

Содержание

ГЛАВА I. Три сестры: по вехам истории детства, юности и молодости ..	7
ГЛАВА II. Любовь	73
ГЛАВА III. Замужество	125
ГЛАВА IV. История завещания Льва Толстого	183
ГЛАВА V. Первая мировая война	261
ГЛАВА VI. Лубянка и Новоспасский концлагерь	319
ГЛАВА VII. Жизнь и работа в Стране Советов	371
ГЛАВА VIII. Эмиграция: Франция, Япония, Италия	441
ГЛАВА IX. Эмиграция: Италия и США	513
Послесловие	597
Указатель имен	600
Литература	632

Глава I
Три сестры:
по вехам истории
детства, юности
и молодости

В сентябре 1862 года юная Софья Берс, которой всего лишь месяц назад исполнилось восемнадцать лет, вышла замуж за известного в России писателя, тридцатичетырехлетнего графа Льва Толстого. Молодая семья поселилась в усадьбе мужа — Ясной Поляне. Вместе супруги прожили сорок восемь лет.

Первого ребенка Софья Андреевна родила незадолго до девятнадцатилетия, а последнего — в сорок три года. Всего в семье Толстых родилось тринадцать детей: девять мальчиков и четыре девочки. Четверо не дожили до пятилетнего возраста. Из девяти детей, перешагнувших этот рубеж, было три дочери: Татьяна, Мария и Александра.

По-настоящему счастливыми были для Софьи Андреевны годы, когда ее неустанная забота о маленьких детях сопровождалась духовным общением с мужем. Она стала помощницей, собеседницей и самым близким другом Льва Толстого, создававшего во второй половине 1860-х годов свою великую книгу «Война и мир». Молодая жена многие годы занималась перепиской рукописей мужа. Она всегда находилась рядом с Толстым, и он любил ее.

В 1870-е годы Софья Андреевна все отчетливее осознавала масштаб личности своего мужа, в дневниковых записях ее взгляд был устремлен на Льва Толстого, на его занятия художественным творчеством и присущий ему широкий круг общения, на его увлечения и высказывания. Жизнь молодой графини была без остатка подчинена интересам семьи и мужа. Вместе они учили и воспитывали своих детей. Первые два десятилетия семейной жизни Толстых — самая радостная, светлая, счастливая пора в истории их любви. К этим годам прежде всего относится позднее высказывание С. А. Толстой: «Мы жили с Л. Н. одним широким течением жизни...»¹

Именно на эти годы семейного счастья приходится время детства и отрочества Тани. Она родилась 4 октября 1864 года, была вторым, после Сергея, ребенком в семье и первой девочкой, дочерью, горячо любимой отцом

---

¹ Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 26. Запись от 3 августа 1901 г.

Л. Н. Толстой-жених. 1962

и матерью¹. Софье Андреевне исполнилось двадцать лет, а Льву Николаевичу тридцать шесть.

Софья Толстая живо помнила обстоятельства того дня: «У Льва Ник. была сломана рука, и как он рыдал от умиления, когда родилась его первая дочка, и как любил меня!»² В книге «Моя жизнь» Софья Андреевна, согласовав между собой то отдаленное событие и опыт последующих лет, заключила: «Рождение моей дочери Тани было как праздник, и вся ее жизнь была потом для нас, родителей, сплошная радость и счастье. Никто из детей не внес такого содержания, такой помощи, любви и разнообразия, как наша Таня. Умная, живая, талантливая, веселая и любящая, она умела вокруг себя устроить счастливую духовную атмосферу, и любили же ее все — и семья, и друзья, и чужие»³.

Рождались сыновья, Толстой заботился об увеличении своего состояния, скупал дешевые земли у самарских башкир, планировал жизнь детей в традициях дворянской культуры. «Помню я, — писал его второй сын Илья, —

---

¹ Крестным отцом Татьяны был Д. А. Дьяков, друг Л. Н. Толстого.

² Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 358. Запись от 4 октября 1911 г.

³ Толстая С. А. Моя жизнь: В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 125.

С. А. Толстая, урожденная Берс. 1860

как он, вернувшись из Москвы, с восторгом рассказывал мамá, как он был у генерал-губернатора, князя Владимира Андреевича Долгорукова, и как князь сказал ему, что, когда Таня (которой было в то время лет семь-восемь) вырастет, он устроит для нее бал. Как странно это кажется теперь! И странно то, что Долгорукий свое слово действительно сдержал, и Таня была у него на балу, но это было уже в то время, когда отец пережил свой духовный переворот и от светской жизни и балов ушел безвозвратно»¹.

В 1870-е и начале 1880-х проходили детские и отроческие годы второй дочери — Марии, родившейся 12 февраля 1871 года². В духовной жизни Толстого это время соотносится с *высвобождением* от прежних, «литературных, семейных, имущественных», интересов жизни.

Маша была пятым ребенком, до нее на свет уже появились братья Сергей, Илья, Лев и сестра Татьяна. Последней «страстно хотелось иметь сестру»: шестилетней девочке мальчишки уже «надоели»³. «Родилась очень слабенькая, худенькая девочка — всю последующую жизнь оставшаяся хворой и бо-

---

¹ Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1987. С. 35.

² Крестили Марию С. С. Урусов и М. Н. Толстая.

³ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976. С. 77.

лезненной», — вспоминала Софья Андреевна. На следующий день после родов двадцатипятилетняя жена Толстого тяжело заболела. Когда больная была при смерти, к ней привели попрощаться четверых перепуганных детей. Софья Андреевна перекрестила и поцеловала их, а потом исповедалась и причастилась. По счастью, молодая женщина, проведя в родильной горячке месяц, выздоровела.

«Семейная жизнь наша, тогда уже с пятью детьми, — писала Софья Андреевна, характеризуя 1876 год, — шла все тем же течением; на вид все было то же: ученье, работа, прогулки, катанья, писанье Львом Николаевичем „Анны Карениной“. Но чувствовалась в Льве Николаевиче какая-то поднимающаяся тревога, неудовлетворенность жизнью, искание и потребность более религиозного содержания в его личной жизни»¹.

1879 год открыл совершенно новую страницу в истории семьи Толстых. Все как будто оставалось по-прежнему. «Как проста и ясна была тогда наша жизнь, наши отношения! — восклицала Софья Андреевна. — Верования Льва Николаевича не входили еще в его жизнь и не нарушали нашей. (...) Ни спорить, ни протестовать не приходилось ни в чем. Тогда я еще была счастлива и спокойна и только физически иногда тяготилась частыми родами, болезнями и непосильными трудами»². Вместе с тем в тот год Толстой, испытывавший глубокий духовный кризис, начал работу над «Исповедью». В ней он воссоздал подспудный, внешне малозаметный процесс, в течение десятилетий происходивший в его духовной жизни: «...со мной случился переворот, который давно готовился во мне и зачатки которого всегда были во мне»³, — писал он. Раньше, еще в июне 1863 года, он отметил в дневнике: «Ужасно, страшно, бессмысленно связать свое счастье с матерьяльными условиями — жена, дети, здоровье, богатство»⁴. С годами он только укрепился в этом представлении. В «Исповеди», своем первом религиозно-философском произведении, Толстой стремился определить сущность произошедшего в нем духовного переворота. Страницы «Исповеди» раскрывали, как в напряженном диалоге Толстого с великими философами и с великими религиозными мыслителями мира все «укладывалось» в его новое понимание смысла жизни.

Татьяна Львовна справедливо полагала, что ошибочно было бы говорить о духовном переломе Льва Николаевича на рубеже 1870–1880-х годов:

«Все, что он впоследствии высказал в своих религиозно-философских сочинениях, *все это жило в нем всегда* и часто выражалось им в его дневниках, художественных произведениях и в его жизни.

---

¹ Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 1. С. 250.

² Там же. С. 306.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928–1958. Т. 23. С. 40.

⁴ Там же. Т. 48. С. 55.

Дети Л. Н. и С. А. Толстых: Илюша, Лева, Таня и Сережа. 1870

Только временные наслоения интересов: литературных, семейных, имущественных и других — мешали выбиться наружу во всей полноте его духовной сущности. Когда же таинственная внутренняя работа окончилась и наполнила всю его душу, она легко разбила эту корку и сбросила ее с себя. Не меняя своего пути, он до смерти твердо держался той деятельности, которую он предчувствовал еще в ранней молодости, когда он в своем дневнике писал: „Вчера разговор о божестве и вере, — пишет он 4 марта 1855 года, находясь под Севастополем, — навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я считаю себя способным посвятить жизнь.

Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле... Действовать сознательно к соединению людей с религией — вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня“¹.

---

¹ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 351. Курсив мой. — Н. М. В цитате есть неточности: «о божестве» у Сухотиной-Толстой — «о божест(венном)» в тексте Л. Н. Толстого; слово «сознательно» Л. Н. Толстой выделил курсивом. Текст записи Л. Н. Толстого см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 37–38.

В середине 1920-х годов Татьяна Львовна написала и о коллизии, сложившейся во взаимоотношениях Льва Толстого и семьи:

«Не равная ему ни по уму, ни по своим интеллектуальным и моральным качествам, не прошедшая вместе с ним путь внутреннего преобразования, семья не могла последовать за ним. Это была семья, воспитанная в определенных традициях, в определенной атмосфере, и вот вдруг глава семьи отказывается от привычного для нее уклада жизни ради отвлеченных идей, не имеющих ничего общего с прежними его взглядами на жизнь.

Однако он не считает себя вправе сразу разрушить то, что сам же создал.

Он женился на восемнадцатилетней девочке. Он сформировал ее характер, и его влияние пустило в ней глубокие корни. Это он прежде не позволял ей ездить иначе как в первом классе, это он заказывал ей и детям платья и обувь самого лучшего качества и в самых лучших магазинах. А теперь он же требует, чтобы они жили, как крестьяне. Зачем? Зачем теперь отказываться от праздного и радостного существования ради трудовой жизни, полной лишений? Вот вопросы, которые задавала себе моя мать.

(...) Я хочу подчеркнуть одну черту отца: он не только никого не поучал, никому даже из членов своей семьи не читал наставлений, но он и вообще никогда никому не давал советов. Он очень редко говорил с нами о своих убеждениях. Он трудился один над преобразованием своего внутреннего мира. Мы не видели, как проходил процесс этого развития, и в один прекрасный день оказались уже перед результатом, к которому не были подготовлены.

В те годы мы не понимали его. Его взгляды пугали нас, но не убеждали»¹.

Последняя фраза была написана Татьяной Львовной, уже перешагнувшей шестой десяток и по опыту своей жизни знавшей, что в то отдаленное время уже начался ее медленный путь к духовному сближению с отцом. Иной была история ее матери.

Софья Андреевна по-своему осмысляла следствия душевного настроения, который овладел ее мужем во время работы над «Исповедью» и по окончании ее:

«Мне часто казалось в жизни, что отпадение Льва Николаевича от Церкви и его суровое порицание и веры, и той жизни, в которой он раньше жил, дались ему крайне тяжело, и он уже никогда не был счастлив после этого. Отрицание всего не дает счастья. Amiel², умный и тонкий французский мыслитель, где-то сказал в своих записках:

„Malheur, si la *négation* domine, car la vie — c'est une *affirmation*“³ (...) Злобное отрицание православия и Церкви, брань на нее и ее служителей, осуж-

---

¹ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 384–385. Курсив мой. — Н. М.

² А.-Ф. Амьель.

³ Несчастье, если отрицание преобладает, ибо жизнь — это утверждение (*фр.*).

*Вид московской усадьбы Л. Н. Толстого в Хамовниках
со стороны переулка. 1912–1913*

дение нашей жизни, порицание всего, что я и мои близкие делали, — все это было невыносимо»¹.

То, что писал Л. Н. Толстой в 1880 году, было глубоко чуждо его жене, и она впервые отказалась заниматься перепиской его трудов.

Сострадание мужа к народу виделось Софье Андреевне чрезмерным и односторонним:

«Он посещал тогда тюрьмы и остроги, ездил на волостные и мировые суды, присутствовал на рекрутских наборах, и точно умышленно искал везде

---

¹ Толстая С. А. *Моя жизнь*. Т. 1. С. 313–314.

страдания людей, насилие над ними, и с горячностью отрицал весь существующий строй человеческой жизни, все осуждал, за все страдал сам, и выражал симпатию только народу и соболезнование всем угнетенным.

Это осуждение и отрицание распространилось и на меня, и на семью, и на всё и всех, кто был богат и не несчастлив»¹.

Далее пути мужа и жены, утративших душевную связь, которая прежде их соединяла, стали неуклонно расходиться.

Софья Андреевна оставалась в прежней жизни, хозяйственные и имущественные интересы, утрачивающие для ее мужа значение, сделались только ее заботой, она по-прежнему самоотверженно занималась здоровьем всех членов большой семьи, образованием и воспитанием детей (к 1880 году их было уже семеро). К тому же она в свои тридцать шесть лет расцвела, молодо выглядела и была полна энергии. Ее, утомленную беспрестанными домашними заботами, стало тянуть к веселью и светским развлечениям. Она с удовольствием начала вывозить свою юную дочь Таню на тульские и московские балы. Правда, Софья Андреевна ни разу не переступила черту, о чем написала позже: «Меня тянуло совсем в другую сторону, чем Льва Николаевича, и это я сознавала, мучилась, не умела остановиться в своих желаниях, которые все-таки не удовлетворялись и оставались только желаниями»².

Когда в начале 1880-х годов появилась необходимость дать образование подросткам, семья переехала из Ясной Поляны в Москву и поселилась в отдаленном от центра районе — Хамовниках, где был куплен дом. Теперь Толстые приезжали в свое тульское имение только летом. Впечатления от московской жизни 1880–1890-х годов способствовали углублению критического отношения Льва Толстого к современным социальным институтам. Особенно тяжелы для него были городская господская праздная жизнь людей его круга, с одной стороны, и резко контрастирующая с ней бедность и нищета городского люда — с другой. В воспоминаниях Татьяна Львовна констатировала: «Разногласие между отцом и семьей проявилось особенно сильно после переезда нашего в Москву»³.

И в эти десятилетия супруги Толстые были, как прежде, связаны взаимной любовью, но их устремления оказались разнонаправленными. Старшие дети подросли, двадцатилетняя Татьяна наблюдала за происходящим, о чем позднее написала:

«Так и жили они в тягостном напряжении, каждый сам по себе, не вмешиваясь в жизнь другого, чувствуя, однако, что связи, скрепленные двадцатилетней любовью, продолжают существовать. Бесконечные разговоры и длительные споры, возникавшие между ними, не приводили ни к каким резуль-

---

¹ Там же. С. 328.

² Там же. С. 327.

³ *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. С. 385.

татам, кроме обоюдных ран. Летом 1884 года между родителями произошло несколько тяжелых сцен. В ночь с 17 на 18 июня отец, взяв на плечи сумку, покинул дом.

До сих пор вижу, как он удаляется по березовой аллее. И вижу мать, сидящую под деревьями у дома. Ее лицо искажено страданием. Широко раскрытыми глазами, мрачным, безжизненным взглядом смотрит она перед собою. Она должна была родить и уже чувствовала первые схватки. Было за полночь. Мой брат Илья пришел и бережно отвел ее до постели в ее комнату. К утру родилась сестра Александра.

В ту ночь отец не ушел далеко. Он знал, что жена должна родить, — родить его ребенка. Охваченный жалостью к ней, он вернулся»¹.

Третья дочь, Александра, появилась на свет 18 июня 1884 года, ее матери было около сорока лет, а отцу неполных пятьдесят шесть.

Софья Андреевна носила своего двенадцатого ребенка с трудом, не желая его, а, родив дочь, ранним утром следующего дня «ни за что не хотела кормить и отдала бабе-кормилице»². Старшая дочь Татьяна пометила в дневнике: «В первый раз взяли кормилицу»³. Так впервые поступила Софья Андреевна за всю свою длинную материнскую историю. И все же ей запомнилось: «...родилась прекрасная девочка с темными длинными волосами и большими синими глазами»⁴.

Александра, в отличие от старшей сестры Татьяны, уже не застала счастливую пору в отношениях родителей, на долю младшей дочери выпала заключительная и самая сложная, драматичная часть их совместной жизни.

Запоздалое понимание того значения, какое имело появление Александры на свет, пришло позднее. И принадлежало оно отцу. В 1908 году Александре Львовне исполнилось двадцать четыре года, и ее поздравляли. Аккуратный Душан Маковицкий, домашний врач Толстого, зафиксировал: «Когда Л. Н. узнал о дне ее рождения, сказал ей: „Я рад, что это случилось“». Александра Львовна от радости, а может быть стыда, вся покраснела»⁵.

---

¹ *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. С. 391–392. В дневниковой записи Л. Н. Толстого от 18 июня 1884 г. отмечено: «Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу. Дома играют в винт бородатые мужики — молодые мои два сына. (...) Ах, как тяжело! Все-таки мне жалко ее. И все-таки не могу поверить тому, что она совсем деревянная. (...) Если кто управляет делами нашей жизни, то мне хочется упрекнуть его. Это слишком трудно и безжалостно. Безжалостно относительно ее. Я вижу, что она с усиливающейся быстротой идет к гибели и к страданиям душевным ужасным» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 105).

² *Толстой Л. Л.* Опыт моей жизни. М., 2014. С. 28.

³ *Сухотина-Толстая Т. Л.* Дневник. М., 1987. С. 116.

⁴ *Толстая С. А.* Моя жизнь. Т. 1. С. 444.

⁵ *Маковицкий Д. П.* Дневник // Литературное наследство. Т. 90: У Толстого. 1904–1910. «Яснополянский записки» Д. П. Маковицкого: В 4 кн. М., 1979. Кн. 3. С. 118. Запись от 18 июня 1908 г. Д. П. Маковицкий познакомился с Толстым в 1894 г., а в 1904 г. принял приглашение

Александра — предпоследний ребенок в семье, после нее в 1888 году родится только брат Иван. У Александры было две сестры и несколько братьев, включая Андрея и Михаила, появившихся на свет во второй половине 1870-х годов¹. Брат Сергей был старше ее на двадцать один год, Татьяна — на двадцать, Мария — на тринадцать.

События рождений Татьяны, Марии и Александры относились к разным эпохам в истории толстовской семьи. Каждая из дочерей Льва Толстого будто являла собой определенный этап его жизни и духовных исканий. Тремя любимыми им дочерьми, неизменно, «здесь и сейчас», находящимися в орбите жизни отца, история семьи и духовных исканий Л. Н. Толстого, растянувшаяся на десятилетия, словно разом преображалась в одномоментное, сложно сотканное целое, исполненное и счастья, и драматизма.

Какими предстают девочки Таня, Маша и Саша в воспоминаниях близких?

«Дети составляли большую радость в нашей жизни, — вспоминала Софья Андреевна, воссоздавая памятью 1866 год. — Забавная, живая, маленькая Таня полутора года уже много болтала, звала Сережу — Жёжа, командовала им; в обществе она всегда кокетничала, покачивала головкой и с плутовской минкой говорила: „батюки, батюки“, т. е. батюшки, батюшки.

Лев Николаевич ужасно любил Таню и любовался ею, носил ее на плече, играл с ней. (...) Воспитывала я детей просто, одевала скудно по желанию Льва Николаевича. Шила им все сама. По вечерам няня Марья Афанасьевна крошила в тарелку черный хлеб или холодную кашу гречневую, наливала молока и давала им есть с одной тарелки. Сережа и Таня это очень любили, и когда я говорила няне, что напрасно дает им на ночь хлеб и кашу, няня убедительно возражала, что нельзя же детям *не ужинавши* ложиться спать»².

На ночь, при прощании, родители крестили детей, Таня отвечала тем же: быстро поднимала ручку, складывала пальцы и делала знак креста, приговаривая: «Маму пикестить, папу пикестить...»³

В два года Таня влюбилась в соседа Николеньку Арсеньева. Как-то ее мыла англичанка в ванне. Случившееся затем описала Софья Андреевна: «Только

С. А. Толстой остаться в Ясной Поляне в качестве домашнего врача. Лечил не только членов семьи Толстого, но и крестьян. Был помощником Толстого в делах переписывания его сочинений, в разборе корреспонденции, а также выполнял переводы с нескольких европейских языков. Стал спутником и доверенным писателем во время его ухода из Ясной Поляны и был рядом с Толстым до самой его смерти.

¹ Брата Алексея, родившегося в 1881 г. и умершего в январе 1886 г., Александра Толстая вряд ли помнила.

² *Толстая С. А. Моя жизнь*. Т. 1. С. 149.

³ Там же. С. 158.

что намылили ей голову, она, услышав голос Арсеньева¹, быстро выскочила из ванны, стремительно побежала и, мокрая, намыленная и голенькая, явилась перед предметом своей любви, объявив ему торжественно: „Вот она, Таня“².

Молодая мать испытывала особые чувства к своим первенцам. В 1870 году она начала учить своих старших детей читать и писать. «Оттого ли, что мы лучше и больше занимались старшими детьми, чем меньшими, но старшие, Сережа и Таня, казалось, были самые способные и умные дети»³.

К своим детям присматривался и Лев Николаевич, в письме к тетушке Александре Андреевне Толстой он охарактеризовал восьмилетнюю Таню: «Она не очень умна. Она не любит работать умом, но механизм головы хорошей». В том же письме заметил о второй дочери: «Маша, два года, та, с которой Соня была при смерти. Слабый, болезненный ребенок. Как молоко, белое тело, курчавые белые волосики; большие, странные голубые глаза; странные по глубокому, серьезному выражению. Очень умна и некрасива. Это будет одна из загадок. Будет страдать, будет искать, ничего не найдет, но будет вечно искать самое недоступное»⁴.

Брат Илья вспоминал, что ему ближе всех по возрасту и по духу была Таня: «черноглазая, бойкая и выдумчивая»⁵. В семье, по свидетельству Льва-младшего, его самого и сестру Таню, которая была старше его на пять лет, по цвету глаз называли «черными»: у всех остальных детей «глаза были светлые». Когда ему исполнилось два года, на свет появилась «тоненькая и хрупкая белокурая Маша», ставшая вскоре подружкой его детства.

Лев-младший полагал, что он и его старшая сестра Таня «больше взяли умственных способностей, которые можно назвать внутренним или духовным обликом человека, от отца и его линии», однако физически они были «похожи на мать». Остальные же братья и сестры, по его мнению, физически напоминали отца, однако мало походили на него «по духовному и умственному складу». О Маше же заметил отдельно: она «была блондинкой со светлыми глазами, милая и восприимчивая, но по характеру была скорее в мать»⁶.

Александра Андреевна Толстая, крестная младшей дочери Толстых, сетовала, что в семье не обращают должного внимания на трехлетнюю Сашу,

---

¹ В детстве, после смерти родителей, Н. В. Арсеньев вместе со своими сестрами находился под опекой Л. Н. Толстого. Писатель навещал их в родовом имении Судаково под Тулой, вблизи Ясной Поляны, переписывался с ними; Арсеньевы были гостями Толстых. В эпизоде, рассказанном С. А. Толстой, Арсеньеву лет двадцать.

² Толстая С. А. *Моя жизнь*. Т. 1. С. 276.

³ Там же. С. 180.

⁴ Толстой Л. Н. *Полн. собр. соч.* Т. 61. С. 334.

⁵ Толстой И. Л. *Мои воспоминания*. С. 88.

⁶ Толстой Л. Л. *Опыт моей жизни*. С. 14–15.

С. А. Толстая со своими детьми Таней и Сережей. 1866

при этом она охарактеризовала девочку как «недюжинного ребенка»: «У нее в голове и глазах сидит целый отец Лев Николаевич»¹. Сказанное имело глубину провидения: с середины 1910-х годов начнет проявляться масштаб незаурядной личности Александры-младшей.

Многодетная Софья Андреевна уже не была так сердечно привязана к средней и младшей дочерям, как к Тане, и в своих рукописях она не оставила материнских воспоминаний о трогательных моментах первых лет их жизни. Зимой 1890 года сорокапятилетняя Софья Андреевна заметила: «Маленькие дети — Саша и Ванечка — доставляли мне материнскую радость и развлекали меня»². И все же в центре ее материнских сердечных забот был Ванечка. «Я безумно любила его, как-то болезненно, неестественно»³, — писала она позднее.

Становится понятным, почему маленькая Саша по-особому относилась к старшей сестре Тане. Много лет спустя уже пятидесятилетняя Александра Львовна написала ей: «Да, конечно, ты была вроде матери. Так ведь и знала я тебя и одно время думала, что ты моя мать»⁴. И еще одно воспоминание: «С самого раннего детства, когда я сестру называла мама, у меня сохрани-

---

¹ Александра Толстая: Каталог выставки. Тула, 2000. С. 8.

² Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 2. С. 112.

³ Там же. С. 124.

⁴ Неизвестная Александра Толстая / Сост. С. В. Светлана-Толстая, Ф. Э. Светлана. М., 2001. С. 65.

лось особое чувство к ней. Мало того что она мне очень нравилась своей жизнерадостностью, живостью, она как-то сумела подойти ко мне, я не боялась ее, почти никогда не врала ей и чувствовала себя не только легко, когда она бывала со мной, но и празднично»¹.

Со своей стороны почти материнские чувства к младшей сестренке испытывала Татьяна. 26 марта 1886 года она записала в дневнике: «Саша мила бесконечно, все говорит, и пресмешно. Меня любит, и я ее. На улице, у доктора и в незнакомых местах, где я с ней бываю, ее принимают за мою дочь, и мне всегда не хочется разуверять в этом»². Взор старшей сестры был пристальным: «Дверь на балкон открыта, Саша в саду. Она ужасно мила, болтает без умолку, половины понять нельзя, но ей весело. Но характер, я думаю, у нее будет не ангельский: она часто сердится, и пресмешно»³.

Двухлетняя Саша вторгалась в жизнь взрослой сестры, всерьез занимавшейся рисованием. Татьяна записала: «Папа сейчас присылал малышей спрашивать у нас, чтобы мы сказали три своих желания. Я немедленно ответила: „Хорошо рисовать, иметь большую комнату и хорошего мужа“. Маша ничего не ответила. Но я забыла, что последнее желание исключает два первых: хороший муж будет мешать заниматься и займет мою большую комнату. Папа сказал, что у него только два желания: чтобы он всех любил и чтобы его все любили. Мишка на это сказал, что его и так все любят. Но он так мило и трогательно это сказал, что умилил папá и всех нас. Славный Мишка! Он и Саша очень мне милы, и часто утешают меня, но и мешают. Саша сегодня просидела долго у меня в комнате, и я не прогнала ее потому, что, как всегда в таких случаях, рассудила, что ее огорчение важнее, чем то, что я пропущу час или два занятий. Как дедушка Ге⁴ говорит: „человек важнее всего на свете“, потому и Саша важнее, чем моя перспектива»⁵.

Татьяне пришлось откликнуться на безотлагательный запрос ребенка, которым родители мало интересовались. Она писала для самой себя: «Меня часто упрекают в том, что я ничего не делаю. Я думаю, что трудно что-нибудь последовательно делать, когда хочешь жить для других и не хочешь никого огорчать. Например, Сашка меня увидит и просит с ней посидеть; если я уйду — она ревет. Я думаю, что важнее, чтобы она не ревела, чем чтобы я выучила главу перспективы. И тысячи вещей в этом роде. Я не говорю о себе. Это правда, что я ленива и живу далеко не так, чтобы никого не огорчать. Но человек, желающий жить так, не может иметь никакого определен-

---

¹ Толстая А. Младшая дочь / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. С. А. Розановой // Новый мир. 1988. № 11. С. 197.

² Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 118.

³ Там же. С. 119. Запись от 4 апреля 1886 г.

⁴ Художник Н. Н. Ге.

⁵ Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 132. Запись от 6 октября 1886 г.

ного занятия, а должен жить, следя за тем, кому он больше всех нужен, и помогать тому»¹. Младшим: братику Мише и сестренке Саше — она была нужна. И Татьяна записывала и с грустью, и с радостью: «Моя комната сделалась излюбленным местом во время рекреации малышей, и Сашка часто ходит. Идет и с половины лестницы кричит: „Татьяна Львовна, я к вам иду!“»².

Так и сложилась длинная семейная история, в ней сошлось разное: с одной стороны — узнаваемое и трогательное, с другой — единичное и неожиданное. Эта история перекликалась с замеченным автором романа «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»³.

Все дети Толстых получали хорошее домашнее образование. Молодая Софья Андреевна занималась с первыми детьми музыкой, радовалась успехам Сережи и Тани, успешно осваивавших французский язык. Английский они схватывали на лету в непосредственном общении с нянями-англичанками. Последнее касалось и трехлетней дочери, о которой Софья Андреевна заметила: «маленькая Маша даже другого языка не знала и едва понимала русский»⁴. Родители учили детей русскому и французскому, греческому и латинскому языкам, арифметике. «Мы учились: мальчики — шести, а я — пяти языкам, музыке, рисованию, истории, географии, математике, Закону Божьему», — отметила через годы Татьяна Львовна. Для детей приглашали гувернеров и гувернанток, учителей. «В доме жило не менее пяти воспитателей и преподавателей, и столько же приезжало на уроки (в том числе и священник)»⁵, — писала она. В 1877 году, к примеру, у старших детей появился русский учитель Василий Иванович Алексеев, очень хороший математик⁶, о котором Татьяна Толстая говорила, что ей никто другой «не дал в смысле общего образования и развития так много», как он.

Описывая весну 1879 года, Софья Андреевна вспоминала про совместные с мужем усилия для решения различных проблем, связанных с ростом семьи: «Желание увеличить для семьи состояние проглядывало во всех делах Льва Николаевича. Детей было уже шесть, и я была беременна седьмым. Роскоши мы никакой в доме и наших общих привычках не допускали. Одева-

---

¹ Там же. С. 138. Запись от 14 октября 1886 г.

² Там же. С. 141. Запись от 31 октября 1886 г.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 3.

⁴ Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 1. С. 229.

⁵ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 352.

⁶ Василий Иванович Алексеев кончил курс в университете на математическом факультете. Был увлечен революционными идеями, входил в кружок Н. В. Чайковского, члены которого необходимым полагали жить своим земледельческим трудом. Они уехали в Канзас, жили общиной, но потом она распалась. В. И. Алексеев вернулся в Россию.

Таня Толстая. 1878

лись и одевали детей очень просто; ели также очень просто, и *самый большой расход был на воспитание детей*. Но и тут мы долго, а я всю жизнь сама многому учила, и постоянно оба что-нибудь работали, каждый в своей области»¹.

У каждого ребенка была своя история ученичества. В 1880 году «маленькой Маше было 9 лет, и она была болезненная, худенькая девочка, но шаловливая, живая и подчас трудная, так как училась плохо»². Однажды мать даже назвала ее сорванцом. Девятилетняя же Саша была другой, включившись в семейную традицию писать друг другу письма, она сообщила брату Льву: «Ко мне очень привязался сын Ивана-лакея, ему полтора года, и я с ним часто играю. Я много читаю, рубила с поденными капусту и играю одна на фортепиано»³. Татьяна писала тому же Льву в декабре 1895 года, что одиннадцатилетняя «Саша ходит толстая, добрая и близорукая снаружи и изнутри. Очень много учится, и с большим удовольствием»⁴.

---

¹ Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 1. С. 300. Курсив мой. — Н. М.

² Там же. С. 321.

³ Толстая А. Л. Письмо к Л. Л. Толстому, 11/23 октября 1893 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 303. Оп. [не указ.]. Ед. хр. 664. Л. 1 об.

⁴ Сухотина (Толстая) Т. Л. Письмо к Л. Л. Толстому, 1 декабря 1895 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 303. Оп. [не указ.]. Ед. хр. 696. Письмо 3. Л. 11 об. В дальнейшем дневниковые и эпистолярные тексты старшей дочери Л. Н. Толстого будут даны по фамилии ее мужа.

Таня начала рисовать в девять лет. Об этом событии она же спустя годы написала: «Толчком к этому послужил приезд художника Крамского, которому был заказан портрет папá Третьяковым, владельцем картинной галереи в Москве. (...) Я с огромным любопытством следила за его работой. Я никогда прежде не видала работы масляными красками, и меня занимало, как Крамской на палитре мешал краски и потом клал кистью мазки на холст и как вдруг на холсте появлялось лицо, как живое. Вот и глаза папá — серые, серьезные и внимательные, как настоящие его глаза. Какое чудо!»¹

Начались ученические годы, сначала отец взял для нее учителя рисования из Тульского реального училища. Любопытно, что довольно рано Татьяна (ей было всего пятнадцать лет) обозначила две коллизии, сопровождающие ее любовь к рисованию: «Я рисую очень мало, потому что мне скучно *учиться* рисовать, мне все хочется, чтобы вдруг я умела отлично рисовать» и «знаю: из меня артистки никогда не выйдет, потому что у меня нет терпенья»².

В 1881 году, когда семья переехала жить в Москву, Толстой обратился к художнику В. Г. Перову и отвел дочь в Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой. Однажды, в ноябре 1882 года, он сам пошел искать натурщика для Тани, нашел его в кабаке и привел в училище. Потом он еще не раз приходил сюда. Несколько месяцев учителем Татьяны Толстой был В. Г. Перов, затем И. М. Прянишников.

В дневнике молодой Татьяны тема творчества сквозная. 29 мая 1882 года она пометила: «Моя живопись спасительная меня всегда может всю поглотить. Конечно, и для этого в Москве лучше: в мою милую Школу ездишь как-то точно по обязанности, а дома — хочу рисую, хочу нет, и заставить себя сесть за работу труднее. Зато уж когда замалюю, то все забываю. Что бы я без живописи делала? О чем бы я думала? Целый день я говорю со всеми, смотрю на все, а сама думаю: „Вот здесь кобальт с неаполитанской; а как бы я этот блик сделала?“ — и т. п.»³.

В конце 1882 года она успешно сдала экзамен, получив второй номер за этюд. «Если бы я много работала, — записала юная художница, — я уверена, что я могла бы хорошо рисовать и писать, — меня Бог способностями не обидел»⁴.

Однако в дело учебы вмешивались разные обстоятельства: «танцы, приемные дни, туалеты, кокетство со всеми»⁵. В самой Татьяне было слишком

¹ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 159.

² Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 24. Запись от 11 февраля 1880 г. Последнее представление было устойчивым и в поздних размышлениях Татьяны Львовны, она не раз возвращалась к вопросу о том, почему не смогла талант художницы воплотить в полной мере.

³ Там же. С. 29–30. Запись от 29 мая 1882 г.

⁴ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 175.

⁵ Там же. С. 174.

много жизненной энергии. «Она была страшная шалунья, — вспоминала Софья Андреевна, — смешила весь класс, баловалась и пугала Льва Николаевича своей неудержимой живостью и шаловливостью»¹. Вдобавок с начала 1883 года восемнадцатилетняя Таня стала выезжать с матерью в свет, состоялся ее первый бал, где она имела огромный успех. А могло ли быть иначе — ведь она была дочерью знаменитого Льва Толстого!

В тот год она перешла в класс В. Д. Поленова и вместе со всеми рисовала натюрморты. «Она как будто испугалась, — отметила Софья Андреевна, — неудержимому потоку светской жизни и начала заниматься усерднее и живописью, и музыкой»². Однако в учебе Татьяна не была упорной: то увлекалась ею, то на долгое время оставляла ее.

Внутренняя жизнь юной Тани была разноплановой и напряженной. Пищу для размышлений ей давала семейная жизнь, общение с родителями. Девушка задумывалась над делом воспитания в разрастающейся семье, не во всем соглашаясь с матерью и принимая сторону отца. Незадолго до своего восемнадцатилетия старшая дочь прямо заявила Софье Андреевне свою позицию: «Вчера вечером пили чай с мамá и говорили о воспитании детей. Я упрекала мамá в том, что она слишком много обращает внимания на внешнюю сторону жизни своих детей, чем на их сердце и душу, и что Маша с Лелей³ особенно заброшены в этом отношении. Мама на это говорит, что они так ровно и спокойно живут, что им совсем не нужно, чтобы проникали в их душу, которая преспокойно спит на своем месте. Как она ошибается!» Гувернантки и мать обычно рассматривали детские ссоры по справедливости, однако, по мнению Татьяны, в этом, казалось бы, правильном подходе был недостаток: после так называемых «справедливых» наказаний в душах детей в отношениях друг к другу все равно оставались недобрые чувства. «Лучше уж оставили бы нас в покое, а еще лучше было бы, если бы старались нас примирить и лаской смягчить все наши дурные чувства, — заключала она. — Папа мне как-то давно сказал: „Когда ты ссоришься, то попробуй себя во всем обвинить и почувствовать себя кругом виноватой“. И это я пробовала и чувствовала себя несравненно счастливее, чем если бы я была права»⁴.

Таня полагала, что в деятельности ее матери с педагогической точки зрения были явные промахи: «И в моем воспитании, хотя сравнительно меня прекрасно воспитали, сколько было ошибок! Я помню, например, раз мне мама сказала, когда мне было уже 15 лет, что иногда, когда мужчина с девушкой или женщиной живут в одном доме, то у них могут родиться дети.

---

¹ Толстая С. А. Моя жизнь. Т. 1. С. 355.

² Там же. С. 405.

³ Брат Лев.

⁴ Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 52–53. Запись от 12 сентября 1882 г.

Л. Н. Толстой. 1876

И я помню, как я мучилась и сколько ночей не спала, боясь, что вдруг у меня будет ребенок, потому что у нас в доме жил учитель»¹.

Детям Толстых была очень важна оценка их способностей со стороны отца. В 1882 году юная Татьяна пометила: «Мама мне рассказывала, что ее отец, когда меня видел маленькой, удивлялся моему лбу и говорил, что он подобного никогда не видывал и что я или буду чем-нибудь замечательна, или сумасшедшая. До сих пор не заметно ни то ни другое»². Сохранилось забавное письмо к Льву Толстому, в том же году составленное его детьми Таней, Левой, Машей и племянницей Варей Нагорновой. Оно было создано ими спонтанно, в процессе игры: воскресным вечером каждый из них, передавая эстафету, что-то приписывал, фиксируя те или иные сиюминутные события. В целом получился текст из малосвязанных между собой пестрых лоскутков жизни. Показательно, что Таня остроумно и иронически завершила его, обобщив на бегу написанное следующим образом: «А мы у тебя хорошие? А? Что? Таня, Варя, Лёлька, Машка. Немножко насчет ума слабо? А? Что?»³

---

¹ Там же. С. 63. Запись от 2 ноября 1882 г.

² Там же. С. 56. Запись от 15 сентября 1882 г.

³ *Толстой Л. Л. Опыт моей жизни.* С. 202.

Прошло несколько месяцев, и в дневнике Татьяны появилась такая запись: отец «за чаем разбирал своих детей и говорил, что все мы глупы, т. е. что ни у кого из нас нет духовного и умственного интереса, которым бы мы жили, и что у Лели все-таки его больше, чем у остальных. Он находит, что, хотя мы глупы, мы все-таки умом выше среднего уровня»¹.

Во внутреннем мире старшей дочери, наблюдавшей за отцом, что-то сдвигалось, начиналась неспешная подспудная работа. 12 июля 1882 года Татьяна записала в дневнике, раздумывая над своей жизнью: «Другая бы больше исполняла то, что папа говорит, но мне все это так трудно, и хотя я всегда согласна с тем, что папа говорит, и иногда я даже все это хочу исполнить и с восторгом думаю, как было бы хорошо, и вдруг какие-нибудь бантики и платья разрушают все. Меня замечательно воспитали хорошо, т. е. свободы давали как раз сколько нужно и укрощали тоже в меру. Теперь мне совсем предоставлено воспитываться самой, и я часто стараюсь себя сделать лучше. Но у меня ужасно мало силы воли, и так часто я, помня, что это гадко, делаю разные ошибки»².

Как-то осенью того же года отец, по свидетельству старшей дочери, «хорошо говорил», что «богатство мешает быть хорошему», а затем, имея в виду ее светскую жизнь, заострил внимание на растрате ею самых хороших чувств по пустякам и на отсутствии у светской молодежи самобытности, выражавшемся в следовании общепринятым представлениям. Поздно вечером Таня осталась одна, и в дневниковой записи сначала попыталась уклониться от отцовской критики, но затем отважилась назвать вещи своими именами, оценив себя весьма критично: «Мне многое еще оставалось его спросить, но от слез не могла говорить, и ведь ничего такого плачевного не было. Правда? Разве только то, что я такая безнадежная дрянь, что всякое исправление для меня немислимо»³.

Отцовское мнение было значимо для дочери, именно оно было ориентиром в жизни и опорой. «Отчего это, когда с папá, то всегда бывает весело, а вместе с тем у нас с ним никаких прямых отношений нет? Мне очень, очень жалко, что я мало с папá говорю, потому что, когда с ним говоришь, все так делается ясно, и так уверена в том, что хорошо, что дурно, что важно и что не важно в жизни»⁴. В сентябре 1883 года она записала про отца: «Я удивляюсь, когда с ним спорят. По-моему, все так ясно, что он говорит, и так разумно и логично, что не согласиться с ним невозможно. Все, что во мне хорошего, это все он, и когда я слышу, что другой кто-нибудь говорит хорошо и умно, мне всегда кажется, что он слышал, что это говорил папа,

---

¹ Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. С. 79. Запись от 2 мая 1883 г.

² Там же. С. 42. Запись от 12 июля 1882 г.

³ Там же. С. 53–54. Запись от 12 сентября 1882 г.

⁴ Там же. С. 90. Запись от 6 августа 1883 г.

и повторяет его слова. До сих пор для меня — это единственный человек, которому я всегда верю, и всегда бы слушалась его, если бы он мне приказывал. Он этого не знает, а то бы он больше помогал мне в жизни. И если я не так живу, как бы он хотел и как бы он одобрял, это потому, что я не могу бороться одна со всеми моими скверными желаниями»¹.

Эти дневниковые записи предшествовали семейной драме 1884 года. Возвращение Л. Н. Толстого в семью в связи с событием рождения Саши на некоторое время отложило решение вопроса о дальнейшей жизни. Однако через несколько месяцев, в декабре, наступила развязка. По свидетельству Татьяны, произошло решительное объяснение, «супруги высказали друг другу свои взаимные обиды, вскрыли, что составляло муку их повседневной жизни». Чаша терпения отца переполнилась, «с перекошенным от боли лицом он пришел к жене и без всяких предисловий объявил, что уходит из дому».

После услышанных от мужа слов: «Где ты, там воздух заражен» — Софья Андреевна решила, ни на секунду не задумываясь, оставить дом. Последовавшие события она позднее перечислила в письме сестре Татьяне Кузминской:

«Прибежали дети, рев... Стал умолять „останься“. Я осталась, но вдруг начались истерические рыдания, ужас просто.

Подумай только: Левочку — всего трясет и дергает от рыданий. Тут мне стало жаль его; дети четверо: Таня, Илья, Леля, Маша режут на крик, нашел на меня столбняк; ни говорить, ни плакать, все хотелось вздор говорить, и я боюсь этого и молчу, и молчу три часа, хоть убей — говорить не могу.

Так и кончилось. Но тоска, горе, разрыв, болезненное состояние отчужденности — все это во мне осталось»².

И вот пишет дочь Татьяна:

«Я помню эту ужасную зимнюю ночь. Нас тогда было девять детей³. Я, как сейчас, вижу всех нас: мы, старшие, сидим в ожидании на стульях в передней на первом этаже. Время от времени мы подходим к двери комнаты второго этажа, где разговаривали родители, и прислушиваемся к их голосам. Они, не смолкая, раздавались очень громко и выражали страшное волнение. Было очевидно, что между родителями происходил крайне важный и решительный спор. Ни тот ни другая ни в чем не уступали. Оба защищали нечто более дорогое для каждого, нежели жизнь: *она* — благосостояние своих детей, их счастье, — как она его понимала; *он* — свою душу.

---

¹ Там же. С. 92. Запись от 23 сентября 1883 г.

² Цит. по: *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. С. 392–393.

³ Три сестры, включая шестимесячную Сашу, и шесть братьев: Сергей, Илья, Лев, Андрей, Михаил, Алексей (умер в 1886 г.).

Она „до сумасшествия, до боли“ любила своих детей, он же больше всего любил истину. Слова полностью не долетали до нас, но мы слышали достаточно, чтобы понять, что происходило между ними. „Я не могу, — заявлял он, — продолжать жить в роскоши и праздности. Я не могу принимать участие в воспитании детей в условиях, которые считаю губительными для них. Я не могу больше владеть домом и имениями. Каждый жизненный шаг, который я делаю, для меня невыносимая пытка“. И он говорил в заключение: „Или я уйду, или нам надо изменить жизнь: раздать наше имущество и жить трудом наших рук, как живут крестьяне“.

А она отвечала: „Если ты уйдешь, я убью себя, так как не могу жить без тебя. Что же касается перемены образа жизни, то я на это не способна и на это не соглашусь, и я не понимаю, зачем надо разрушать во имя каких-то химер жизнь, во всех отношениях счастливую?“ И объяснение продолжалось в заколдованном кругу, все время возвращаясь к тому же неразрешимому и непреодолимому вопросу.

Понимали ли мы, что говорил отец? Что касается меня, то — нет. Я твердо верила, что он не может ошибаться. Но что касается той Правды, которую он нашел, я хорошенько не понимала, в чем она заключалась. Мне, в мои двадцать лет, она казалась такой недоступной, такой превышающей мои умственные способности, ограниченные моим девичьим кругозором, что у меня даже надежды не было когда-нибудь ее понять. Равным образом не понимала я и позиции матери. Мне казалось, что она должна была подчиниться желаниям отца, каковы бы они ни были. Согласиться на требования мужа, который тебя любит и которого ты любишь, разве это не легче, нежели выносить те нравственные пытки, которые ее терзали? Я так думала и не понимала ее решения.

С нами, детьми, не советовались. Сидя в передней, внизу на лестнице, мы ожидали, пока родители не придут к соглашению. И вдруг проходит слуга с чемоданом и несет его в спальную матери — мы поняли. (...) Но вот она и миновала, эта ночь тревоги. Она закончилась без определенного решения, без развязки. С тех пор тяжелых вопросов больше не касались. Мать ограничивалась заботами об удобствах жизни отца.

(...) Ничто не изменилось в нашей жизни. Она шла по прежнему распорядку. Я беру на себя смелость утверждать, что взаимная любовь родителей не только не уменьшилась, но перенесенные страдания еще усилили ее. Словно Дездемона и Отелло. Она любила его за его страдания, а он за сочувствие, которое она к нему проявила. И я думаю, что не ошибусь, добавив, что из жалости к нему она сделала все для нее возможное, чтобы приблизиться к нему сердцем и умом, чтобы заинтересоваться его работами и постараться понять их»¹.

---

¹ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. С. 392–395.

С годами противоречия углублялись, Татьяна, как никто другой, была непосредственным свидетелем этого, прожив с родителями тридцать пять лет. После смерти отца и матери она написала статью «О смерти моего отца и отдаленных причинах его ухода», где подвела убедительный итог: «Драма становится тогда подлинной драмой, когда у нее нет виновных, но обстоятельства заводят в тупик. Наша семья очутилась действительно в трагическом положении, из которого не было выхода»¹.

Именно сейчас пришло время с разных сторон всмотреться в среднюю дочь Машу. Она одна и очень рано — в четырнадцать лет — безоговорочно встала на сторону отца. Брат Лев позднее и ненадолго сблизился с отцом. О Марии до сих пор очень мало написано, и у этого есть свое объяснение: ее дневник не сохранился, мемуаров любимая дочь Льва Толстого не писала. Ее характер до сих пор остается для нас не до конца проясненным.

Воссоздавая образ Марии, начнем с заслуживающей особого внимания истории отношений Софьи Андреевны к своим детям. Жена Льва Толстого, безусловно, была одарена талантом любить своих детей. Как отметила старшая дочь Татьяна, ее мать «до сумасшествия, до боли» любила их. Софья Толстая тяжело пережила смерть четверых детей, постигшую их еще в малолетстве. Ее материнская любовь была безоглядно обращена к сыновьям: Сергею, Илье, Льву, Андрею, Михаилу и Ванечке. Из трех дочерей Татьяна была ее любимицей, а с годами — подругой. В конце жизни Софья Андреевна уверовала, что больше всех на свете она любила свою Танечку. Старшая же дочь ровно и в равной мере любила как мать, так и отца. С Машей дело обстояло уже не так просто.

К средней дочери Марии мать испытывала какое-то очень сложное чувство любви и нелюбви, жалости и ревности, вины и раздражения. Софья Андреевна раз за разом выхаживала физически слабенькую маленькую девочку, болезненно привязываясь к ней. Годы спустя упоминание имени повзрослевшей Маши чаще всего сопровождалось в дневнике матери эпитетом «жалкая», там встречаются такие записи, как: «Моя Маша жалка своей худобой и грустью»². Речь в этой пометке шла о девятнадцатилетней дочери, в то время Мария уже стала для своего отца близким другом.

Но что же означает определение «жалкая» в устах матери? Прежде всего — невозможность гордиться, любоваться и восхищаться Машей, как это было с жизнерадостной, талантливой и всеми любимой Таней. В старшей дочери Софья Андреевна словно проживала еще одну собственную жизнь, на этот раз легко и артистично осуществляя в самой себе самое лучшее.

---

¹ Там же. С. 380–381.

² *Толстая С. А. Дневники. Т. 1. С. 135. Запись от 24 декабря 1890 г.*